

ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2005

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

“ИДОЛ” ИЗ ГНЁЗДОВА

© 2005 г. В. В. Мурашева

Государственный Исторический музей, Москва

В 2003 г., при раскопках пойменной части гнёздовского поселения была найдена небольшая антропоморфная фигурка, отлитая из чистого свинца¹. Пойменная часть поселения является органической частью Гнёздовского археологического комплекса, однако, с источниковедческой точки зрения, важной для современных исследований, ее характеризует ряд специфических черт. Во-первых, культурный слой на этом участке перекрыт мощными аллювиальными наносами, что обусловило его хорошую сохранность и защитило от распахки и грабителей (Пушкина и др. 2001. С. 12–26). Во-вторых, высокая информативность хорошо стратифицированного культурного слоя дополняется тем, что в его составе обнаружены изделия из свинцово-оловянных сплавов, обычно не сохраняющиеся в культурном слое.

Фигурка была найдена в районе развала большого каменного производственного очага, связанного с ювелирным делом. Очаг относится к финальному горизонту культурного слоя исследуемого участка, точную датировку которого предложить пока не представляется возможным. Наиболее важной датирующей находкой из данного горизонта является наконечник ножен меча, подобные наконечники встречены, в основном, у балтских племен (Кулаков, 1990. С. 30, 31). Они относятся к восточно-прусской группе по типологии П. Паульсена и датируются, по мнению С.Ю. Каинова концом X–началом XI в. (Каинов, в печати). Можно отметить также находку дирхема, относящегося к династии Бувейхидов и отчеканенного после 960 г., это первая в Гнёздове находка столь поздней арабской монеты. На данном этапе исследований наиболее вероятной датой финального горизонта представляется начало XI в. Невозможно также пока решить вопрос о том, соответствует ли момент прекращения функционирования ювелирной мастерской времени гибели Гнёздова, как раннегородского центра.

Мастерская, частью которой был очаг, принадлежала, вероятно, выходцу из Скандинавии – об этом говорит находка фрагмента глиняной литейной формы от овальной фибулы, а также такие

этноопределяющие вещи, как кресаловидная подвеска и поясная пряжка в стиле Борре (см. также: Мурашева и др., 2003. С. 107).

Находка представляет собой миниатюрную человеческую фигурку высотой 2.9 см, шириной 0.8 см (рис. 1). Вероятно, первоначально статуэтка изображала стоящего мужчину, однако ноги оказались утрачены. Прекрасно проработаны черты лица: крупный прямой нос, круглые выпуклые глаза. Уши обозначены полукружьями. Хорошо читаются усы и небольшая бородка. Голова увенчана коническим головным убором, состоящим из восьми отчетливо отделяющихся друг от друга и закругляющихся внизу лепестков-лопастей. Головной убор завершается круглым навершием.

Одежда человека представляет собой перепоясанную рубаху или кафтан, доходящий до колен. Пояс в виде выпуклого валика выделен очень отчетливо. Ниже пояса одежда собрана в складки. Руки согнуты в локтях, левая лежит на поясе, правая – чуть выше, на животе.

Находка объемного человеческого изображения в древнерусских памятниках эпохи образования государства (конец IX–начало XI в.) – чрезвычайная редкость. Можно указать лишь знаменитого “идола” из Черной Могилы (Пушкина, 1984. С. 86, 87) и несколько довольно грубых деревянных поделок из Старой Ладogi (Старая Ладога..., 2003. С. 108, 109). Точных аналогий находке из Гнёздова неизвестно, однако ряд деталей заставляет обратиться к древностям североевропейского круга.

Хорошо известна целая серия небольших фигурок из Скандинавии, выполненных из разных материалов: моржового клыка, янтаря, медных сплавов. Эти миниатюрные скульптуры представляют собой фигуры сидящих человечков, и большинством ученых рассматриваются как изображения богов скандинавского языческого пантеона. Всего таких фигурок известно шесть: это находки из Феддета (Feddet) (Дания), Эйрарланда (рис. 2, 1), Бальдурсхеймюра (Baldursheimur) (Исландия), Рэллинге (рис. 2, 2) и Лунда (Швеция) (Les Vikings..., 1992. Kat. № 71, 77, 182, 602. P. 246, 247, 276, 387; Ellis Davidson, 1967. P. 134. Fig. 60). Частью этого круга предметов является и фигу-

¹ Рентгено-флюоресцентный анализ выполнен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЭМ РАН А.И. Якушевым.

ра из Черной могилы – единственная находка за пределами Скандинавии. Большинство фигурок считаются изображением бога-громовика Тора и лишь одна (фаллическая) изображением бога плодородия Фрейра (Ellis Davidson, 1967. P. 123, 134; Graham-Campbell, 1980. P. 154; Пушкина, 1984. С. 86, 87 и др.). Возможно эти статуэтки были миниатюрными копиями статуй из языческих храмов (Ellis Davidson, 1967. P. 134), одним из которых был храм в Упсале, описанный Адамом Бременским (Дюмезиль, 1986. С. 138, 139).

Наиболее акцентированной деталью изображений Тора является борода, что и позволяет связывать большинство изображений именно с этим божеством. Рыжая борода Тора ассоциировалась с молнией – небесным огнем, сотрясение бороды порождало ветры и штормы. Существует целая историографическая традиция подобного отождествления (см., например: Gjærder, 1964. P. 102; Ellis Davidson, 1967. P. 134; Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49), основанная на единственном отрывке из “Пряди о Рёгнвальде и Рауде” (Perkins, 2001. P. 27–29), которая существует как самостоятельно, так и входит в текст “Большой Саги об Олафе Трюггвасоне”. Сага написана около 1300 г., на русский язык полностью не переведена (Джаксон, 1994. С. 133). В тексте саги говорится о Рауде, который владел колдовством и у которого был храм, посвященный Тору. Узнав о нежелательном приближении Олафа Трюггвасона, Рауд обратился к изображению Тора с просьбой подуть в бороду и тем вызвать встречный ветер (Perkins, 1999. P. 184, 185).

Однако в вопросе интерпретации фигурок нет единого мнения. Так, например, Л. Мотц считает, что приведенные фигурки изображают не бородастое божество, а музыкантов (Motz, 1992. P. 233). Исследовательница полагает, что то, что кажется бородой, на самом деле – изображение флейты, а иногда – двойной флейты, которую музыкант держит обеими руками. Впрочем, данное мнение, интересное своей оригинальностью, не представляется достаточно обоснованным и может быть приведено, скорее как историографический казус.

Предназначение фигурок спорно – некоторые исследователи считают их фишками для игры, другие полагают, что они могли использоваться в качестве амулетов (все варианты трактовки рассмотрены в монографии Р. Перкинса – Perkins, 2001. P. 88). Представляется, что очень важным для интерпретации является приведенный Р. Перкинсом отрывок из “Саги о Халльфреде”. Халльфред Трудный Скальд был вынужден креститься по воле конунга Олафа Трюггвасона, однако продолжал соблюдать языческие обряды, о чем и сообщил конунгу один из недругов скальда, рассказав, что тот держит в сумке маленькое изображение Тора, сделанное из моржового клыка.

Рис. 1. “Идол” из Гнёздова.

По приказу конунга Халльфред был подвергнут обыску, однако “карманный божок”² найден не был (Perkins, 1999. P. 186, 187; 2001. P. 61, 62). Опираясь на приведенный эпизод, Р. Перкинс полагает, что все вышеперечисленные статуэтки можно считать “карманными божками”. Большую часть фигурок исследователь связывает с богом Тором, изображения которого, по его мнению, должны были быть амулетами моряков. Именно моряки особенно нуждались в благоприятном ветре, который можно было вызвать с помощью этих магических предметов (Perkins, 1999. P. 184, 185).

Все рассмотренные предметы можно отнести к кругу достаточно далеких аналогий гнёздовской фигурке. Наиболее же близкими аналогиями гнёздовскому “идолу” являются две небольшие фигурки, изображающие стоящих персонажей, одна из них является случайной находкой из Линдбю (Сконе, Швеция), вторая найдена при раскопках западно-славянского городища Шведт на Одере на территории современной Германии. Фигурка из Линдбю (Gabriel, 1991. S. 287. Abb. 6, 6), изображающая бородастого и усатого мужчину

² Термин “карманный божок” условен, так как известно, что в эпоху викингов одежда карманов не имела. Амулеты, безусловно, должны были храниться в сумочках или кошельках, подвешиваемых к поясу и игравших роль карманов.

Рис. 2. "Карманные божки": 1 – Эйраланд (Исландия); 2 – Рэллинге (Швеция); 3 – Линдбю (Швеция); 4 – Шведт на Одере (Германия); 5 – Пермь.

(рис. 2, 3), также как и гнёздовская, одета в короткую подпоясанную тунику, на голове – конический головной убор, левая рука лежит на поясе, от гнёздовской статуэтки она отличается гораздо худшим качеством проработки деталей и размером (высота – 6,9 см). Разный способ изображения глаз (правый изображен прямой линией, а левый – изогнутой) позволил Грэхэм-Кэмпбэлу предполагать, что скульптурка изображает одноглазого бога – Одина (Graham-Campbell, 1980. P. 154).

Фигурка из Шведта (рис. 2, 4) тоже очень схематична, от статуэтки из Линдбю ее отличает отсутствие пояса и бороды. Едва различимые вертикальные полосы на коническом головном уборе напоминают лопастное членение головного убора "идола" из Гнёздова. Инго Габриэль считает, что фигурка имела культовое предназначение, он полагает местное ее изготовление и отмечает, что это единственная находка подобного рода амулета на западно-славянских территориях. Исследователь считает, что она изображает божка в восточном княжеском одеянии, состоящем из кафтана и остроконечной шапки. Он отмечает, однако, и скандинавские параллели, например шапку с вертикальным членением, как у бронзового Фрейра из Рэллинге (Gabriel, 1993. S. 332, 333).

Если ряд фигурок, рассмотренных вначале, еще мог иметь какой-то утилитарный смысл – они могли быть использованы в качестве игральные фишек, то обе последние скульптурки никак не могли нести бытовой нагрузки ввиду их абсолютной неустойчивости. Таким образом, с большой долей вероятности, они могут быть трактованы как "карманные божки". Значительное сходство фигурок

с "идолом" из Гнёздова позволяет отнести и данную находку к категории "карманных божков".

При попытке интерпретации фигурки существенными представляются все детали изображения. Очевидно важной и хорошо проработанной деталью гнёздовского идола является конический головной убор. Головной убор рассматриваемой формы – явление загадочное. Грэхэм-Кэмпбэлл отмечает, что изображение конических шлемов встречается на Готландских камнях (например, Смисс, приход Нэр – Graham-Campbell, 1980. P. 140), на руническом камне из Ледберга в Швеции (Perkins, 2001. P. 98, 99. Fig. 13, 14), на Миддлтонском каменном кресте (Йоркшир, Англия – Graham-Campbell, 1980. P. 159), однако "археологически" подобная форма шлемов ни в Скандинавии, ни на Британских островах не известна.

Среди находок на территории Восточной Европы можно указать два шлема, которые А.Н. Кирпичников выделяет в тип конических (Кирпичников, 1971. С. 24). Один из них происходит из Гнёздова (кург. 18, раскопки С.И. Сергеева, ГИМ, оп. 1537/63), второй из Немии (Кирпичников, 1971. Табл. IX.). Однако точной аналогией головному убору гнёздовского идола их считать невозможно. Прежде всего потому, что шлем из Гнёздова состоит из двух половин, а шлем из Немии, вероятно, цельнокованный. Таким образом, реально существующие шлемы из Гнёздова и Немии оказываются достаточно далекими аналогиями головному убору "идола", состоящему из многих лопастей.

Отсутствие точных археологических параллелей неизбежно порождает различные гипотезы. Так, например, И. Габриэль полагает, что головной убор фигурки из Шведта копирует княже-

скую шапку “восточного” происхождения (Gabriel, 1993. S. 332, 333). Это утверждение базируется на упоминании “русской шапки”, полученной в числе других подарков героем “Саги о Ньяле” (Gabriel, 1991. S. 291). Впрочем, как же выглядела эта шапка, неизвестно. Ф.Б. Успенский, проанализировав все упоминания так называемой “русской” шапки в древнеисландской прозе, полагает, что письменные источники не дают ровным счетом никаких оснований для реконструкции ее фасона. Более того, исследователь считает, что упоминающиеся в сагах головные уборы можно трактовать скорее как “греческие шапки” (Успенский, 2002. С. 340–346).

В качестве аналогий И. Габриэль упоминает также конические головные уборы из Бирки, сооруженные из ткани на проволочном каркасе. Остатки сложных головных уборов, украшенных коническими навершиями были обнаружены в двух богатых мужских камерных погребениях Бирки (погр. 581, 644 – Arbman, 1943. S. 188–190, 221–226). Однако восточные параллели данному типу головного убора гипотетичны, так как подтверждения в археологических материалах Восточной Европы они не имеют. Исключение составляет единственный предмет – небольшой полый конус с округлым завершением, который традиционно трактуется как принадлежность головного убора и относится к древностям венгров эпохи “завоевания родины” (The Ancient Hungarians, 1996. P. 132).

Таким образом, оказывается, что наиболее близкие аналогии рассматриваемому головному убору мы находим лишь в сфере изобразительного искусства, и прежде всего среди уже приведенной серии фигурок скандинавских божков. Конический головной убор надет на голову Тора из Эйрарланда, убор Фрейра из Рэллинге не просто имеет коническую форму, он увенчан округлым навершием, что делает его еще ближе гнёздовскому. Конические уборы венчают также головы идолов из Линдбю и Шведта (здесь он разделен слабо намеченными вертикальными линиями, намекающими на лопастное членение).

В пользу того, что под рассматриваемым головным убором подразумевался шлем, из круга северных древностей можно указать голову так называемого “улыбающегося викинга” (Les Vikings..., 1992. P. 116, 247. Fig. 1) – это антропоморфное навершие из Сигтуны датируется XI–XII вв. Очевидно, что воин изображен в шлеме – об этом позволяет точно говорить такая важная деталь, как наносник. Кроме того, радиально расположенный циркулярный орнамент, может являться указанием на конструкцию шлема, состоявшего из четырех пластин, соединенных накладными полосами, укрепленными рядами небольших заклепок.

В ряд близких аналогий головному убору “идола” можно также поставить островерхий шлем

с круглым навершием, венчающий голову Ярослава Мудрого на печати, найденной в Новгороде в слое начала XI в. (Янин и др., 1995. С. 6, 7; Янин, Гайдуков, 1998. С. 259. Табл. 1, 2a). Едва намеченные вертикальные линии по бокам шлема могут рассматриваться как указание на конструкцию из многих пластин.

Костюм гнёздовского “идола”, казалось бы, изображен с достаточным количеством деталей, и тем не менее их недостаточно, чтобы однозначно определить его характер. Изображения людей в верхней одежде выше колен, собранной у пояса в складки, нередко встречаются в Северном изобразительном искусстве. В качестве примеров можно привести рунический камень из Ледберга в Швеции с изображением сцены гибели богов (Perkins, 2001. P. 98, 99. Fig. 13, 14) и камень из Еллингге в Дании (Славяне и скандинавы, 1986. С. 140. Рис. 59). Художник, изобразивший персонаж в такого рода одежде, мог подразумевать самый разный фасон. Подпоясанная верхняя одежда выше колен может быть определена, например, как кафтан. Именно так исследователи описывают фасон одежды фигурок из Черной могилы, из Линдбю и Шведта (Пушкина, 1984. С. 86; Gabriel, 1993. S. 332). Подобный покрой мужской верхней одежды для Скандинавии традиционно рассматривается как предмет “восточного” заимствования. Такая точка зрения была сформулирована Т. Арне (Arne, 1914. P. 222) и получила развитие в работах И. Янссона (Jansson, 1988. S. 605–607). Одежда в складку ниже талии хорошо читается и у известных “фигурок викингов” с кольцом в руках, найденных на Даугмальском городище и близ Нового Быхова. В.П. Петренко, рассматривая эти фигурки, полагает, что данный фасон одежды можно считать юбкой (Петренко, 1970. С. 257). Впрочем, трудно отрицать и самый простой вариант – подпоясанную рубаху – именно так реконструируется обычный мужской костюм эпохи викингов (Les Vikings..., 1992. P. 193).

Все приведенные данные говорят о невозможности предложить однозначную интерпретацию рассматриваемым деталям. Таким образом, приходится с сожалением констатировать тот факт, что ни одну из деталей мы не можем использовать как некий атрибут, позволивший бы нам интерпретировать изображенный персонаж. И тем не менее, весь круг аналогий позволяет однозначно говорить о северном, скандинавском происхождении гнёздовского “идола”. Кроме того, нельзя не обратить внимание на одну из самых проработанных деталей костюма гнёздовской фигурки – прекрасно читаемый пояс. Среди всех рассмотренных изображений поясом, кроме гнёздовской, наделены две – “идол” из Черной Могилы и скульптурка из Линдбю в Швеции. В соответствии с “Младшей Эддой”, пояс – волшебный

атрибут бога Тора: "... бесценным сокровищем владеет Тор – Поясом Силы. Лишь только он им опояшется, вдвое прибудет божественной силы" (Младшая Эдда, 1970. С. 41, 42). Таким, образом, пояс – единственная деталь изображения, которая дает возможность сделать очень осторожное предположение о конкретном божестве, которое имел в виду мастер, отливший фигурку из Гнёздова. Впрочем, можно привести еще мнение Р. Перкинса, который вслед за И. Линдквистом считает, что круглые выпуклые глаза тоже являются составной частью традиционной иконографии Тора, отмечаемой не только в прикладном искусстве, но и на рунических камнях (Perkins, 2001. P. 63).

Большая часть рассматриваемых нами фигурок найдена вне археологического контекста и их датировка, таким образом, вызывает затруднение. Фигурка из Дании датируется в целом X–XI вв., также широко датируются обе стоящие статуэтки (из Линдбю и из Шведта). Более узкую дату – XI в. имеют оба "бородатых божка" из Исландии, один из них найден в составе погребального инвентаря. Фрейр из Рэллинге и Тор из Лунда также датируются XI в. Самой ранней из приведенных в качестве аналогий находок, является "идол" из Черной Могилы (60–70-е года X в.). Гнёздовская находка, происходящая из слоя поселения, может служить основанием для уточнения и подтверждения датировок. Полагаю, что она позволяет сузить дату для наиболее близких аналогий (стоящих фигурок) до рубежа X–XI – первой пол. XI в. Косвенным подтверждением предложенной даты может служить и портрет Ярослава Мудрого с новгородской печати, изображенного в головном уборе, совершенно аналогичном гнёздовскому. Вероятно, само появление "карманных божков" – миниатюрных объемных фигурок, совершенно не свойственных ранней и средней эпохе викингов, следует отнести ко времени заката язычества и начала господства христианства. Подобного рода амулеты могли стать актуальными для людей, крестившихся не по своей воле или принявших так называемое "неполное крещение".

Контекст находки, круг аналогий, пусть и не очень близких, позволяет отнести "идола" из Гнёздова к кругу скандинавских древностей. Наличие некоторых, предположительно "восточных", аналогий в деталях одежды (возможность трактовать одежду как кафтан, а головной убор, как остроконечный колпак, характерный для евразийских кочевников) может быть истолковано в рамках восточного влияния на скандинавскую культуру эпохи викингов в период ее заката. К этому кругу явлений можно отнести и смелое предположение (Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49; Perkins, 2001. P. 144–146) о влиянии позы фигурки Будды (находка из Хельгё) на позу бородатых божков с территории Скандинавии. Возможный восточный флер – можно рассматривать, как про-

явление эклектики, характерной для заката многих языческих систем.

Вполне вероятно, что традиция изготовления "карманных божков" изображающих неведомого нам языческого бога, продолжала жить на территории периферийных языческих районов севера Восточной Европы. Свидетельством этого являются фигурки так называемых "перунчиков". Многие детали изображения гнёздовского идола повторяются в этих фигурках, найденных в Прикамье, Новгороде и в святилищах на острове Вайгач – это верхняя одежда, подпоясанная и спадающая складками до середины бедер, круглые навывкате глаза, крупный выступающий нос и, самое главное, поза – одна рука "перунчиков" лежит на поясе, вторая – чуть выше, на животе (рис. 2, 5). Возможно, что все эти совпадения не случайны, а отражают непрерывность изобразительной традиции.

П.М. Алешковский (1980. С. 286), а вслед за ним и Н.Г. Недошивина считают местом производства "перунчиков" территорию Прикамья. Однако Н.Г. Недошивина отмечает, что амулеты, выполненные в местной ремесленной традиции (плоское литье с небрежной отделкой поверхности с одной стороны) имеют облик, не характерный для местных финно-угорских племен. Кольчуга, рог в руке у одного из "перунчиков", возможно, подчеркивают связь амулета с русскоязычной дружинной средой. Н.Г. Недошивина полагает, что фигурки-амулеты могли быть изготовлены мастерами верхнего Прикамья для русской дружинной среды, осевшей в данных регионах (1996. С. 200, 201).

Гнёздовская статуэтка, принадлежащая к исчезнувшему миру свинцово-оловянных предметов, может быть рассмотрена как одно из звеньев совершенно не сохранившейся цепи, соединяющей мир северного язычества эпохи его заката и более поздние проявления языческого мировоззрения на территории Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971.
- Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнёздова (в печати).
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI–VIII вв. М., 1990.
- Младшая Эдда. Л., 1970.
- Мурашева В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнёздовского поселения // Ладога и истоки

- российской государственности и культуры. СПб., 2003.
- Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // СА. 1996. № 2.
- Петренко В.П. О бронзовых фигурках викингов // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
- Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 3.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.
- Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. История бородатого божка // Живая старина. 1995. № 3 (7).
- Славяне и скандинавы. М. 1986.
- Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С. и др. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995.
- The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest, 1996.
- Arbman H. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943.
- Arne T. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia. L., 1967.
- Gabriel I. Christentum und Heidentum // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster, 1991.
- Gabriel I. Tashengott von Schwedt // Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Hildesheim, 1993.
- Gjærder P. The beard as an iconographical feature in the Viking Period and the early Middle Ages // Acta archaeologica. T. 35. Copenhagen, 1964.
- Graham-Campbell J. Viking Artefacts. L., 1980.
- Jansson I. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Oldenburg-Wolin-Staraja Ladoga-Novgorod-Kiev. Mainz am Rhein; Frankfurt am Main, 1988.
- Motz L. New Thoughts on an Archaic Artifact // The Mankind Quarterly. V. XXXII. № 3. Spring, 1992.
- Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe. Uddevalla, 1992.
- Perkins R. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes // Saga-Book. V. XXV. P. 2. L., 1999.
- Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. L., 2001.

The “idol” from Gnezdovo

V. V. Murasheva

Summary

The paper is aimed at introduction in scientific circulation the anthropomorphic figurine discovered in 2003 at the dwelling site Gnezdovo, in its flood-plain portion. The find is a miniature human figurine portraying a man shown in upright position, with a conic headdress on his head. The personage is dressed in a girdled shirt, or a caftan reaching his knees. The statuette was found in the stone debris identified as a large hearth connected with jewellery production. The hearth is attributed to the final horizon of the cultural deposit in the studied area and should be dated from the late 10th–the early 11th cc. No close analogies to the Gnezdovo find can be pointed to so far, nevertheless, a number of details seem unite it with the antiquities of North European circle. Similar figurines are identified by many scholars as representations of the deities of Scandinavian pagan pantheon. It is difficult to identify the Gnezdovo “idol” as certain personage, the only promising feature is the girdle traditionally regarded as the attribute of the god Thor.